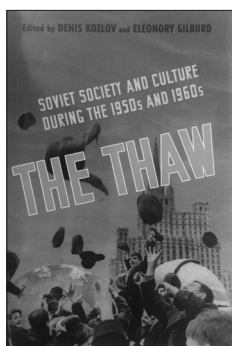

Н. И. Богомазов

Рецензия на сборник

"The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s"¹

Рецензируемый сборник статей, опубликованный в Канаде в 2013 г., стал плодом научных дискуссий, развернувшихся на международной междисциплинарной конференции «"Оттепель": Советское общество и культура в 1950-е и 1960-е гг.», прошедшей в Беркли (Калифорния) еще в 2005 г. и собравшей видных специалистов по советской истории из России, США, Канады, Великобритании, Франции и Германии. Под руководством научных редакторов Дениса Козлова и Элеоноры Гилбурд тексты докладов были переработаны, дополнены и представлены научной общественности в виде объемного тома в 512 страниц (даже несмотря на то, что не все доклады в итоге были представлены к публикации). В рамках данной заметки мы лишь кратко представим содержание сборника, дав небольшую характеристику каждой статье.

Издание посвящено эпохе «оттепели», которую авторы атрибутируют как «определяющий момент» для всего периода советской истории от смерти И. В. Сталина до распада Советского Союза, и для последующего времени, в сущности, тоже. Как отмечает во вступительной статье Денис Козлов, перед исследователями стояла двоякая задача. С одной стороны, они хотели показать «оттепель» через некоторые ее ключевые аспекты, рассматривая разные элементы советской жизни 1950–1960-х гг. «с неизбежной в таком случае избирательностью» (С. 3). С другой стороны, необходимо было представить «оттепель» не только в советском, но и в международном контексте, показать ее место в общемировом историческом процессе (сразу заметим, что, с нашей точки зрения, авторам удается выполнить обе задачи). Кроме того, исследователи сознательно отказались от подхода, при котором история рассматривается исключительно через призму деятельности политических лидеров. В этом плане все статьи, представленные в сборнике, являются работами по социальной истории и истории культуры и конструируют эпоху «оттепели» «снизу», через жизнь и быт простого человека.

Денис Козлов во вступлении подчеркивает, что в годы «оттепели» оценка прошлого была неразрывно связана с надеждами на будущее: «репрессии и творческие дискуссии, наследие ГУЛАГа и инициированные государством экономические реформы, борьба с космополитизмом и открытие

Богомазов

Николай Иванович,

кандидат

исторических наук,

старший

преподаватель,

Санкт-Петербургский

государственный

университет

(Санкт-Петербург,

Россия)

страны для внешнего мира — все это взаимонаполняло и контекстуализировало друг друга» (С. 5). В соответствии с этим тезисом выстроена и структура сборника, который состоит из двух глав: первая глава («Оглядываясь назад» — "Looking back") посвящена различным проблемам преодоления последствий сталинской эпохи, вторая («Заглядывая в будущее» — "Looking forward") — новым сторонам жизни, возникшим уже в годы «оттепели» и не характерным для более раннего периода.

Первая глава открывается статьей Катерины Кларк² «"Жди меня и я вернусь": Является ли ранняя "оттепель" повторением культуры 1930-х гг.?» ("Wait for me and I Shall Return: The Early Thaw as a Reprise of Late Thirties Culture?". С. 85–108), в которой автор ставит под сомнение культурную уникальность эпохи «оттепели» и проводит параллели с культурой СССР 1930-х гг. Катерина Кларк показывает, что в 1930-е гг. на страницах «Литературной газеты» и «Нового мира» велась полемика, в рамках которой некоторые литераторы выдвигали на передний план (в противовес основным понятиям соцреализма) некоторые термины и понятия, которые станут ключевыми для литературы 1950-х и 1960-х гг. («лирика», «искренность» и др.). А некоторые участники этой полемики, например, Константин Симонов и Ольга Берггольц, станут впоследствии виднейшими фигурами ранней «оттепели».

В своей статье «ГУЛАГ Хрущева: Советская пенитенциарная система после смерти Сталина, 1953–1964» ("Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953–1964". С. 109–142) Марк Эли³ на основе документов из Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории анализирует трансформацию системы лагерей, происходившую при Н. С. Хрущеве. Автор показывает, что после смерти И. В. Сталина общее число заключенных снизилось в четыре раза, а сам ГУЛАГ перестал быть «гигантской репрессивной машиной». С другой стороны, по мнению автора, новое руководство страны и МВД, вполне осознавая экономическую неэффективность «сталинской модели» ГУЛАГа, так и не смогло преодолеть ее «инерцию»: несмотря на все реформы, «крупные лагеря в отдаленных регионах оставались важной частью системы, по меньшей мере, до 1964 г.» (С. 133).

Теме ГУЛАГ посвящена и статья Алана Баренберга⁴ «Превращение из заключенного в гражданина? Бывшие заключенные в Воркуте в годы "оттепели"» ("From Prisoners to Citizens? Ex-Prisoners in Vorkuta during the Thaw". С. 143–175), в которой автор исследует жизнь бывших зеков, освобожденных из Воркутлага и Речлага и оставшихся жить в Воркуте. Реинтеграция в общество, как показывает автор статьи, на практике оказалась очень сложным процессом, и зачастую бывшие заключенные сталкивались с «предвзятым отношением и дискриминацией на рабочем месте». Алан Баренберг заключает, что реинтеграция бывших зеков не сильно облегчалась и в том случае, если после освобождения из лагеря человек оставался жить в регионе своего заключения. С другой стороны, очень немногие смогли действительно вернуться к нормальной жизни и сделать какую-то карьеру вне Воркуты.

Один из редакторов сборника, Денис Козлов⁵, в своей статье «Вспоминая и объясняя террор в годы «оттепели»: советские читатели Эренбурга и Солженицына в 1960-е годы» ("Remembering and Explaining the Terror during the Thaw: Soviet Readers of Ehrenburg and Solzhenitsyn in the 1960s". С. 176–230)⁶ показывает, каким большим событием для советского общества стали произведения этих двух авторов, опубликованные в журнале «Новый мир» («Люди, годы, жизнь» и «Один день Ивана Денисовича» соответственно); как тема террора входила в повседневную жизнь советского человека этого времени и стала для него ключевой при оценке событий XX в. Автор изучил колоссальный по объему источник — отзывы читателей «Нового мира», отправленные в редакцию журнала в ответ

на эти публикации, и, что нам кажется особенно ценным, проанализировал размышления читателей о том, как террор вообще мог иметь место в советском государстве.

Закрывает первую главу исследование Полли Джонс⁷ «Персональное и политическое: оппозиция к «оттепели» и политика литературной идентичности в 1950-е и 1960-е годы» ("The Personal and the Political: Opposition to the Thaw and the Politics to the Literary Identity in the 1950s and 1960s". С. 231–268), посвященное той части советской интеллигенции, которая восприняла «оттепель» негативно. Целая группа литераторов, сформировавшаяся вокруг журналов «Октябрь», «Огонек», «Знамя» и газеты «Литературная Россия», вела полемику с «либеральными» авторами из «Нового мира» и «Юности». Между тем, по мнению автора, методы, при помощи которых велась эта полемика, у противоборствующих сторон были во многом схожи.

Вторая глава сборника, посвященная новым явлениям, социальным и политическим процессам, появившимся уже после смерти И. В. Сталина, начинается со статьи Микаэлы Поль⁸ «От Белой Могилы к Целинограду и Астане — начало освоения целины: забытая первая реформа Хрущева» ("From White Grave to Tselinograd to Astana: Virgin Lands Opening, Khrushchev's Forgotten First Reform". С. 269–307). Особенность исследования М. Поль заключается в том, что она показывает процесс поднятия целины в казахской степи на фоне взаимодействия вновь прибывших «целинников» с проживающим на местах населением — как с казахами, так и с бывшими заключенными, оказавшимися здесь на поселении. С этой точки зрения данная статья в определенной мере перекликается с указанной выше статьей А. Баренберга о Воркуте, поскольку также касается проблем жизни и деятельности людей после освобождения из лагеря.

Статья Амира Вейнера⁹ «Империи наносят визит: возвращенцы из ГУЛАГа, восточноевропейские восстания и советская пограничная политика» ("The Empires Pay a Visit: Gulag Returnees, East European Rebellions, and Soviet Frontier Politics". С. 308–361) посвящена одному из самых противоречивых проявлений послесталинских амнистий — освобождению украинских, белорусских и прибалтийских антисоветчиков. А. Вейнер приходит к выводу, что этим людям приходилось адаптироваться к новым условиям, поскольку после череды восстаний в Восточной Европе в середине 1950-х гг. методы борьбы с советской властью эволюционировали — открытая и жесткая оппозиция сменилась диссидентством, а попытки свержения режима уступили место стремлению его реформировать.

Элеонора Гилбурд¹⁰ в своей статье «Возрождение советского интернационализма в середине и конце 1950-х гг.» ("The Revival of Soviet Internationalism in the Mid to Late 1950s". С. 362–401) рассматривает культурные обмены между СССР и странами Запада. Ярким примером такого обмена был Шестой Международный Фестиваль молодежи, прошедший в Москве в 1957 г. и оказавший огромное влияние на советскую культуру. Э. Гилбурд показывает, что последствием Фестиваля стало невиданное до сих пор проникновение в СССР «западного аудио-визуального мира» (С. 392).

Статья Ларисы Захаровой¹¹ «Советская мода в 1950–1960-е гг.: единообразие, западное влияние и потребительские стратегии» ("Soviet Fashion in the 1950s–1960s: Regimentation, Western Influences, and Consumption Strategies". С. 402–435) посвящена, как видно из названия, моде в Советском Союзе в период «оттепели». Интерес советских людей к моде, ставший стремительно развиваться как раз в это время во многом благодаря западному кинематографу и приезжающим в СССР иностранцам, спровоцировал появление своего рода «потребительской брешы»¹² — разрыва между спросом и на модную одежду и тем предложением, которое обеспечивалось советское промышленностью (так, по

данным ленинградских властей, 70 % одежды, выпущенной в 1962 г., составляли устаревшие модели. — С. 405). Эту брешь заполняли полулегальные, а зачастую и вовсе нелегальные, частные ателье, оперативно отвечавшие на веяния моды.

Закрывает вторую главу статья Оксаны Булгаковой¹³ «Киноклимат: советский кинематограф периода “оттепели” в международном контексте» (“Cine-Weathers: Soviet Thaw Cinema in the International Context”. С. 436–481), в которой автор исследует процесс воссоединения советского кино с мировым после длительного периода раздельного существования. О. Булгакова показывает, что советский кинематограф вступил в «диалог» с «итальянским неореализмом, польской школой, французской новой волной, Бергманом, Курасовой и Феллини, что стало важной составляющей обновления национального киноязыка» (С. 436). По мнению автора, именно в период «оттепели» зародилось «настоящее советское авторское кино» (С. И. Параджанов, А. А. Тарковский, Кира Муратова. — С. 470).

Завершает издание послесловие «“Оттепель” в ретроспективе», написанное виднейшим американским историком Шейлой Фитцпатрик и представляющее собой историософский очерк о том, что есть «оттепель» как явление (а также своего рода ответ на вступительную статью Дениса Козлова и Элеоноры Гилбурд). По ее мнению, если определять «оттепель» как событие, то это «событие» не в русском, французском или англо-саксонском, а в немецком (И. Гёте, Л. фон Ранке, Ф. Ницше, К. Маркс) понимании этого слова — «нечто, пережитое, ощущаемое и вспоминаемое как важное» (С. 483). При этом Ш. Фитцпатрик отмечает, что «оттепель» являлась достоянием в большей степени (если не исключительно) «интеллигенции и городской образованной молодежи», в то время как другие слои советского общества по разным причинам «избегали этого термина» или же вовсе «не знали, что такое событие имело место» (С. 485).

В целом, оценивая рецензируемый сборник, хочется отметить не только высокий научный уровень собранных в нем статей, но и научное новаторство представленных исследований, актуальность поставленных в них проблем, введение в научный оборот большого числа архивных источников. Так, авторы сборника привлекают в своих работах документы не только российских центральных и региональных архивов, но также материалы из архивов Белоруссии, Казахстана, Эстонии и Литвы. Выход сборника, на наш взгляд, является важным событием не только для западной, но и для российской исторической науки, а сам сборник, безусловно, является крупным вкладом в историографию проблемы.

¹ The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s / Ed. by Denis Kozlov and Eleonory Gilburd. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 2013. 528 с.

² Катерина Кларк (Katerina Klark) — профессор Йельского университета (США).

³ Марк Эли (Marc Elie) — сотрудник Центра исследований России, Кавказа и Центральной Европы (Париж, Франция).

⁴ Алан Баренберг (Alan Barenberg) — профессор Техасского технического университета (США).

⁵ Денис Козлов (Denis Kozlov) — профессор университета Дэлхаузи (Галифакс, Канада).

⁶ Некоторые положения этой статьи, касающиеся повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», представлены в публикациях Дениса Козлова на русском языке: *Козлов Д.* 1) Отзывы советских читателей

1960-х гг. на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» (часть I) // Новейшая история России. 2011. № 1; 2) Отзывы советских читателей 1960-х гг. на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» (часть II) // Новейшая история России. 2011. № 2.

⁷ Полли Джонс (Polly Jones) — преподаватель университета Оксфорда (Великобритания).

⁸ Михаэла Польш (Michaela Pohl) — профессор Вассар колледжа (США).

⁹ Амир Вейнер (Amir Weiner) — профессор Стэнфордского университета (США).

¹⁰ Элеонора Гилбурд (Eleonory Gilburd) — профессор университета Нью-Йорка (США).

¹¹ Лариса Захарова (Larissa Zakharova) — доцент Высшей школы социальных наук (Париж, Франция).

¹² Подробнее об этом см.: *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х–середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011; *Лебина Н. Б.* Во что одеть «Кузькину мать»? // Родина. 2009. № 6; и др.

¹³ Оксана Булгакова (Oksana Bulgakowa) — профессор университета Иоганна Гутенберга в Майнце (Германия).

Богомазов Н. И. Рецензия на сборник 'The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s' // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 323–327.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); nbogomazov@yandex.ru

Bogomazov N. I. Review on: 'The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s'

AUTHOR: Candidate of History, Assistant Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); nbogomazov@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Kozlov D. 'Otzyvy sovetskikh chitatelei 1960-kh gg. na povest A. I. Solzhenitsyna "Odin den Ivana Denisovicha": svidetelstva iz arkhiva "Novogo mira" (part I)' in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2011, no. 1.

² Kozlov D. 'Otzyvy sovetskikh chitatelei 1960-kh gg. na povest A. I. Solzhenitsyna "Odin den Ivana Denisovicha": svidetelstva iz arkhiva "Novogo mira" (part II)' in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2011, no. 2.

³ Tverdiukova E. D. *Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konets 1920-kh–seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoi analiz* (St. Petersburg, 2011).

⁴ Leбина N. B. 'Vo chto odet "Kuzkinu mat"?' in *Rodina*, 2009, no. 6.